

М.Л. Ремнёва

Варьирования нормы использования форм времени и двойственного числа в памятниках XVI–XVII вв.

Аннотация: В статье представлен анализ трех повестей об Азове («сказочной», «исторической» и «поэтической») в их отношении к грамматической норме книжно-славянского литературного языка.

Ключевые слова: повести об Азове, книжно-славянская грамматическая норма, система прошедших времен, употребление форм дв. ч., конструкции «дательный самостоятельный», использование конструкции «да + презентная форма глагола», деловая и бытовая письменность, живая речь, упрощение грамматической нормы

Abstract: The article presents an analysis of three stories about the Azov («fabulous», «historic» and «poetic») in relation to their normal grammatical book-slavic language.

Key words: tales of Azov, book-slavic grammatical rule, a system of past times, business and consumer writing, live speech, simplification of the grammatical rules

Исследование некоторых памятников книжно-славянского языка конца XVI–XVII вв. показывает, что при использовании в них ряда грамматических признаков, связанных с функционированием глагольных форм, наблюдается определенная закономерность в плане противопоставления наличия этих признаков в памятниках книжно-литературных их отсутствию в памятниках не только делового и бытового содержания, но и в памятниках народно-литературного типа, находящихся под сильным влиянием фольклорной традиции. Такими противопоставленными признаками являются использование сложной системы прошедших времен, употребление форм дв. ч., конструкции «дательный самостоятельный», использование конструкции «да + презентная форма глагола» для передачи значений цели, желательности и употребление в сложных предложениях с придаточными условия и др.

Опираясь на анализ произведений конца XVI–XVII вв., можно предположить наличие нескольких вариантов грамматической нормы: строгой грамматической нормы, которая предполагает наличие всех рассматриваемых черт, упрощенной грамматической, для которой обязательны использование

конструкции «да + презентная форма глагола», наличие форм дв. ч., сложной системы прошедших времен, конструкции «дательный самостоятельный» и временных союзов церковнославянского происхождения. Однако допустимыми при этом являются сосуществующие с книжно-славянскими чертами свойства, характеризующие памятники делового, бытового, фольклорного характера. Кроме того, можно говорить о существовании грамматической нормы, которая находится на самой периферии книжно-литературного языка и характеризуется лишь наличием сложной системы прошедших времен. Для этой нормы характерна в основном во всех случаях замена книжно-славянских грамматических черт некнижными, характеризующими грамматическую норму деловой и бытовой письменности.

В настоящей статье исследуются три повести об Азове в их отношении к грамматической норме книжно-славянского литературного языка. Повести об Азовских событиях 1637–1641 гг. были созданы в казачьей слободе, и «впервые в истории патриотический подвиг вольных рыцарей Тихого Дона был запечатлен в художественной литературе». Среди повестей об Азове наибольший интерес представляют три, условно названные А.С. Орловым «исторической», «поэтической» и «сказочной» [1]. «Историческая» повесть была написана человеком, работавшим в казачьей канцелярии. «Это оставило след и в композиции, повторившей композицию официальной войсковой отписки о взятии Азова, и в стиле памятника». Здесь подробно, в документальной манере, с множеством перечней описываются сборы в поход, подкобы под крепостные стены, штурм турецкой твердыни и судьба пленных» [2].

«Поэтическая» повесть была должна была эмоционально воздействовать на читателя, склоняя на сторону казаков московское общественное мнение. «Поэтическую» повесть сочинял весьма начитанный человек. Он опирался на широкий круг книжных источников. Однако в поэтике повести исследователи отмечают два организующих фактора: художественное переосмысление канцелярских жанров и использование фольклора [3].

На основе «исторической» и «поэтической» повестей была создана «сказочная» повесть об Азове, которая примыкает к распространенному во второй половине XVII в. жанру «исторического баснословия», к жанру исторической беллетристики [4].

Рождение литературного регионализма в XVII в. (литературные школы Сибири и Дона) не означало ни возникновения сепаратизма, ни возрождения местных школ времен удельной Руси. Москва оставалась признанным центром русской мысли и русской книжности, где действовал Печатный двор, единственная русская типография. Однако новые литературные школы не довольствовались простым усвоением или простым подражанием московской литературной традиции. Литературным центром, из которого вышли повести об Азове, была войсковая казачья канцелярия. Связи между Войском Донским и Московским государством были постоянными. Образца-

ми для казачьих войсковых канцеляристов были московские царские грамоты, стиль которых быстро приобретал характер постоянных и обязательных формул. Однако, усиливая эти формулы, казаки выходили за рамки собственно деловых служебных докладов. Войсковые отписки излагались обычно в свободном стиле, в них, наряду с официальными формулами, обильно вносились элементы и живой народной речи, и литературной образной фразеологии. В таких традициях создавались и повести об Азове, для которых в художественном отношении характерно было переосмысление деловых канцелярских жанров, умелое использование элементов стиля и образности воинских повестей и ориентация на казачий фольклор [3].

Обратимся к анализу трех повестей об Азове с точки зрения состояния их грамматической нормы и ее отношения к норме книжно-литературного языка [4; 5].

«Сказочная» повесть об Азове (СПА) знает сложную систему прошедших времен. В тексте используется аорист (более 540 случаев), форма на -л (более 340 случаев), имперфект (46 случаев), перфект (1 случай), плюсквамперфект (2 случая). Основными временными формами, обладающими способностью передавать все значения прошедшего времени и регулярно используемыми в тексте, были аорист и форма на -л. Для грамматической нормы, как ее понимал автор, эти нормы были дублетными как в функциональном плане, так и в семантическом. Морфологическая норма характеризовалась проникновением форм на -л на правах одного из основных средств обозначения действия / события в прошлом. Поскольку в памятниках высокой книжности эта форма вообще не используется или используется крайне редко как не соответствующая норме литературного языка (нет ее и в грамматике М. Смотрицкого, который, констатируя в Увещении наличие иных, не имперфектных и не аористных форм, в «русском» языке употребляет не формы на -л, а формы перфекта со связкой), то форма на -л, широко используемая в рассматриваемом памятнике, является признаком упрощения грамматической нормы книжно-литературных текстов.

Интересным средством «упрощения» грамматической нормы использования простых форм прошедшего времени является утрата изменения аориста и имперфекта по лицам во мн. ч.: 3 л. мн. ч. аориста может использоваться в значении 1 и 2 л. мн. ч.:

И мы посмотриша отъ Дону реки и по морю синево (СПА, 94);

И тут мы единогласно закрычали, и турок рубить начаша и лестницы отъ стень отвалиша и почали... из Азова палити (СПА, 97);

В ту ночь мы... ихъ порубиша, а тела въ море пометаша. И ву ту же ночь начаша мы оружие свое и пушки заряжати (СПА, 98);

И мы сказались, что идемъ отъ царя Брагима... и дошли до шатра царя Старчия и видеша два стража... и захватиша... (СПА, 101–102);

Царю Брагиме в сию ноч пришли мы ко царю своему на поклонъ и видеша царя Старчия мертва (СПА, 102);

Мы видеша стражей у шатра его закланы мертвы лежаща (СПА, 103)¹;

Не добро ли мне взять у вась сосуды, по не же вы головами своими ходиша (СПА, 102).;Почто вы, воры, наступиша на десницу мою превеликую и взяли вы Азовъ град (СПА, 106);

Да вы же, собаки, многие пакости въ полках моих учиниша... царя Старчия убиша... людей моих побиша и въ полон побраша (СПА, 106).

Вместо формы 1 л. мн. ч. аориста (имперфекта) может использоваться форма имперфекта 3 л. мн. ч.:

И мы отъ того дыму не видяху, по которымъ полкамъ стреляти (СПА, 92);

И мы сказаху (СПА, 102);

Паши же реща ко царю: мы видеша стражей у шатра его закланы мертвы лежаща, а иные стражи сказаху намъ, что в полуночи видеша 20 человекъ и мы ихъ окликаху, и они сказывались пашами твоея державы (СПА, 103).

Таким образом, мы можем реконструировать такую парадигму форм со значением прошедшего времени во мн. ч.:

1 л. мн. ч.: -ли, -ша, -ху

2 л. мн. ч.: -ли, -ша, -ху

3 л. мн. ч.: -ли, -ша, -ху

То есть речь может идти о сосуществовании и конкуренции во мн. ч. во всех лицах «форм на -ли», «форм на -ша» и «форм на -ху», где -ли, -ша, -ху используются недифференцированно, являясь вариантными окончаниями **одной временной формы** – прошедшего времени. Эта парадигма построена на реальном материале, извлеченном из «сказочной» повести об Азове. Вероятно, допустимо, что такая же картина могла сложиться и в ед. ч., поскольку процесс нейтрализации различий по лицам под воздействием неизменяемой формы на -л должен был идти параллельно.

Кроме того, в тексте есть несколько случаев употребления 3 л. ед. ч. имперфекта в значении 3 л. мн. ч.:

И караульщики чаяше, что паши идутъ от царя Брагима (СПА, 101);

казаки же сказаше (СПА, 88);

татара же сказаше (СПА, 88);

казаки же развязаше десять узловъ (СПА, 88);

татара же показаше паше (СПА, 89).

Это обстоятельство дает нам возможность предположить наличие следующего ряда вариантных окончаний в формах мн. ч. прошедшего времени: -ша / -ха / -ше / -ли.

¹ В тексте есть единственное правильное употребление аориста в необходимой форме 1 л. ед. ч.: Ни, великий царю, по твоему благодарствию вчера быхомъ пьяны, не ведаемъ, како казаки ушли (СПА, 109).

В «сказочной» повести об Азове мы находим оба средства формирования значения цели, характеризующие церковнославянскую норму: конструкцию «да + презентная форма» и «дабы + сослагательное наклонение / инфинитив»:

и отпусти казакамъ (СПА, 86);

Послаша на Донь двухъ казаковъ да пригонять триста коней (СПА, 88);

И стали в камышнике тайно дабы устреци бусы (СПА, 86);

И начаша казаки молитися дабы господь богъ избавиль отъ тоя скорыя смерти (СПА, 105) и др.

Но наряду с присущими книжно-славянской норме средствами формирования значения цели в «сказочной» повести используется средство, которого книжно-литературная письменность не знала:

И послалъ (азовский паша) на Донь, чтобы дочь ево.. на выкупъ отдали (СПА, 86);

И гонцамъ скоро роздаша приказы, чтобы собрать силу и всякъ бы со своею силою шёлъ въ Царьградъ (СПА, 91);

И захватиша двухъ татаръ платами гортани ихъ, чтоб не кричали (СПА, 102).

Таким образом, грамматическая норма «сказочной» повести об Азове характеризуется возможностью сосуществования грамматических средств церковнославянских по происхождению и средств, источником которых являются деловая и бытовая письменность, а в конечном счете – живая русская речь. Использование разных грамматических средств передачи цели не определяется содержанием той части повести, в которой оно использовано, что свидетельствует об отсутствии смысловой дифференциации в употреблении этих конструкций. Нет оснований говорить и о численном преобладании одной из этих конструкций. Несколько реже используются сложноподчиненные предложения с придаточным цели, присоединяемым союзом «дабы». Конструкция же «да + презентная форма» и придаточные предложения с союзом «чтобы / чтоб» используются одинаково часто, что свидетельствует о том, что все эти средства являются для автора полными вариантами.

Для формирования условных конструкций наиболее характерными для книжно-литературного языка являются модели «аще... да + презентная форма» и «аще... инфинитив / презенс», а для языка деловой и бытовой письменности «аче / оже, аже и др. / инфинитив / презенс». В «сказочной» повести отсутствует модель «аще... да + презентная форма», характеризующая строгую книжно-славянскую грамматическую норму. Наиболее распространены «аще... инфинитив / презентная форма», «аще бы... сослагательное наклонение», характеризующие церковнославянскую грамматическую норму, с одной стороны, и «буде... презентная форма», которой не знает норма книжно-литературного языка, с другой. Кроме того, используются придаточные предложения с союзами «есть ли» и «ежели»:

Аще божию помощию и молитвами Иоанна Предтечи и Николы Чюдотворца
возьмемъ Азовь... назадъ не иттить (СПА, 87);
Аще правды не скажете, велю васъ казнити (СПА, 99);
Аще бы ведала, что тебе смерть случится, не бы азъ крестилася и за тебя бы
не шла (СПА, 107) и др.;
А буде не здадети, то сей часъ живы не будете (СПА, 95);
А буди и за мертвыя тела похощете сребра и злата, берите (СПА, 104) и др.;
А ежели вы города не сдадите... то мы васъ воровъ поймаемъ аки птицу
(СПА, 95);
А есть ли вы сейчасъ вонъ не выйдете, то не можемъ васъ живыхъ видети
(СПА, 95).

Таким образом, для грамматической нормы «сказочной» повести и в отношении формирования условных конструкций характерно сосуществование моделей, свойственных церковнославянскому языку, и конструкций, формирующихся и распространенных в языке деловой и бытовой письменности.

Конструкция «да + презентная форма» используется в значении повелительного наклонения в формах 1 и 3 л. ед. и мн. ч.:

да идемъ братия и видимъ (СПА, 111);
Да будетъ тако (СПА, 87);
Паши же реша к царю: Послушай нашего слова, да не будутъ казаки казнены.
Отдадимъ ихъ въ Азовъ на перемену нашимъ турецкимъ людемъ (СПА, 99).

В 1 л. мн. ч. используется форма 1 л. мн. ч. настоящего времени для передачи значения приглашения к совместному действию. Во 2 л. ед. и мн. ч. в подавляющем большинстве используется форма повелительного наклонения. Однако может также использоваться конструкция «да + презентная форма», причем к «да» может примыкать не только презентная форма (Да изыдеши отсюда – СПА, 111), но и форма повелительного наклонения, когда само использование модальной частицы «да» лишается смысла:

Да снесите товаръ в лавку (СПА, 89);
Да подите, хозяева, к паше и покажите листь (СПА);
Да ведомо вамъ буди (СПА, 107);
Да в сию ночь идите въ Азовъ градъ возьмите (СПА, 108).

В этих случаях использование «является» избыточным, а по существу модальная часть выступает в качестве средства стилизации, не несущего грамматических или семантических функций. В 3 л. ед. и мн. ч. конструкция «да + презентная форма» в данном тексте – единственное средство передачи значения, близкого к значению повелительного наклонения. Думается, что для передачи значения повеления, распоряжения используется конструкция «дабы + форма на -л» в примере: Дабы они собаки донские казаки тебе, царю нашему, не насмеялись (СПА, 91; ср. современное: «чтобы тебя / его / тебе» и под.).

Несмотря на наличие в тексте конструкции дательного самостоятельного, нельзя предположить, что они активно использовались для передачи времен-

ного и других значений. Они употреблены несколько раз в повести, но, вероятно, для автора это уже застывшие формы, использование которых «литературно» и допустимо в определенных ситуациях:

- И разсвѣтающю дню, увидели, что ис поткопов вышла вода (СПА, 105);
- Поутру же, разсвѣтающю дню, августа в первый на десять день, начаша в полкахъ в бубны бити (СПА, 105);
- Едущим бо нам на звериную ловлю и стретили мы обозъ русскихъ людей (СПА, 88);
- Едущимъ же имъ на татаръ, казаки начаша луки натягивать (СПА, 92);
- Идущимъ же имъ... струги своя лехкия на себя влекоша къ морю (СПА, 86).

Возможно, остатки дательного самостоятельного мы находим и в следующем случае: намъ же по стенамъ стояще и биющесе весь день до вечера и во третьемъ часу в табары свои, и того дня приступовъ было 11 (СПА, 100). Последний случай, в котором отсутствует согласование причастий в падеже, демонстрирует различия использования конструкции в случаях употребления «штампов» и в случае конструирования ее автором. Во втором случае дательный самостоятельный используется в функции простого предложения в рамках сочинительной связи. Таким образом, автор знает дательный самостоятельный, однако новых конструкций не создает, что свидетельствует о том, что живым средством передачи определенных значений дательный самостоятельный не является. При создании же новой конструкции с новым лексическим наполнением он использует причастие в форме на -ще, что, вероятно, было допустимой чертой грамматической нормы (ср., например, «идуше же ему вспять» – Месть Ольги, Лаврентьевская летопись).

Использование временных союзов в придаточных предложениях, являющихся грамматическими синонимами ДС в его основном значении, также свидетельствует о том, что грамматическая норма характеризуется сочетанием элементов книжных и разговорных: союзы «егда» и «как», церковнославянский и разговорный, используются без видимого преобладания одного из них. Однако, хотя, казалось бы, ситуации, оформляемые придаточными предложениями с «егда» и «как», однотипны: разными средствами описываются равноценные ситуации, – следует все-таки отметить, что союз «егда» в большинстве случаев «влечет» за собой аорист и имперфект (на 9 форм прошедшего времени – лишь две формы на -л), в предложениях же с союзом «как» на 5 форм на -л использована одна форма аориста. Эти факты могут свидетельствовать о тяготении союзов к глагольным формам, типичным для определенной сферы книжно-литературной и бытовой письменности, обусловленной стилистической спецификой соответствующего союза. Это, может быть, говорит о сознательном отношении автора к языковым факторам и о понимании, явления какого порядка они представляют.

Использование глагольных форм в контекстах двойственного числа свидетельствует о том, что глагол не знает двойственного числа в грамматической

норме того типа литературного языка, которым владеет автор. Форма дв. ч. использована только в одном случае: ослепоста очи ихъ (СПА, 111); в остальных случаях в контекстах дв. ч. употребляются глаголы во мн. ч.:

послаша на Донь двухъ казаковъ... казаки скоро догнаша... (СПА, 86);
 он... прислалъ белово попа и диакона, да освятятъ церковь и грамоту даде имъ, да живутъ тамо (СПА, 91);
 А за нимъ идуть два немецкия полка (СПА, 92);
шли два немецкия полковника (СПА, 97);
два стража стояща... нась окликаша (СПА, 101).

Использование имен существительных и числительных в контекстах дв. ч. дает следующую картину.

	Норма	Реальное употребление
И. В. З.	двѣ иконѣ двѣ недели	две иконы две недели
Р. М.	двою икону двою неделю	двух пашей
Д. Т.	двѣма иконами двѣма неделяма	—
И. В. З.	два казака два стража	два казака, сосуды два стража, дни
Р. М.	двою казаку двою стражу	двух казаков двух татар, о двух казаках
Д. Т.	двѣма казакома двѣма стражема	—
И. В. З.	двѣ гортани	гортани
Р. М.	двою гортанию	—
Д. Т.	двѣма гортаньма	с двумя детьми

Числительное «два» управляет существительным в форме Р. п. ед. ч.: две церкви, две тысячи, два полка, два стража; при числительном «двенадцать» существительное стоит в форме Р. п. мн. ч.: двенадцать голов. Сформировалась также новая парадгма числительного «два»: И. п. – два, Р. п. – двух, Д. п. – , В. п. – два, две, Т. п. – двумя, М. п. – двух, нашедшая отражение в памятнике.

Сравнение данных грамматической нормы «сказочной» повести об Азове с характеристикой «строгой» грамматической нормы книжно-славянского языка дает следующий результат.

Однако очевидное совпадение показателей грамматической нормы «сказочной» повести об Азове в ряде черт со строгой нормой книжно-славянского языка не отражает сути явления: языковые факты, отвечающие требованиям строгой церковнославянской нормы, свободно, на правах вариантов, сочетаются с явлениями живого языка. Нельзя не отметить четкого тяготения автора к соблюдению формальных признаков церковнославянской нормы. Однако существенной чертой его представлений о допустимом является возможность широкого проникновения черт бытовой и деловой письменности, существующих в произведении на равных правах с церковнославянскими чертами.

Формы	Использование конструкции «да + презентная форма»			Использование формы дв. ч.	Наличие сложной системы прошед. вр.	Использование конструкции ДС	Использование цсл врем. союзов
	значение цели	условная конструкция	повелительное наклонение				
норма	+	+	+	+	+	+	+
СПА	+	–	+	–	+	+	+
черты грам. нормы деловой письменности	+	+	+	+	+	+	+

Произведением совершенно иного типа является «поэтическая» повесть об Азове (ППА). Демократизация литературы, нашедшая в ней отражение, сказалась и в характере грамматической нормы, в характере функционирования всех рассматриваемых явлений.

Формы	Использование конструкции «да + презентная форма»			Использование формы дв. ч.	Наличие сложной системы прошед. вр.	Использование конструкции ДС	Использование цсл времен. союзов
	значение цели	условная конструкция	повелительное наклонение				
норма	+	+	+	+	+	+	+
ППА	–	–	–	–	– / +	–	–

Таким образом, «поэтическая» повесть об Азове представляет грамматическую норму, противопоставленную строгой церковнославянской норме и в значительной мере не совпадающую с нормой «сказочной» повести: то, что в последней может быть оценено как тенденция или как элемент нормы, сосуществующий с церковнославянскими элементами, в «поэтической» повести является основным и единственно приемлемым. По существу, это иная норма, не совпадающая ни с одной из рассмотренных нами.

«Историческая» повесть об Азове (ИПА) знает сложную систему прошедших времен, не включающую, однако, форм перфекта и плюсквамперфекта: форм аориста – 57, имперфекта – 26, форм на -л – 60.

Конструкция «да + презентная форма глагола» не свойственна «исторической» повести ни в одном из описываемых значений. Лишь в одном тексте использована данная конструкция в функции повелительного наклонения: И да будетъ въ томъ граде славитца имя твое святое! (ИПА, 53); Да подасть намъ господь богъ во ономъ свете немерцаемую светлость и венца нетленные!.. Да не порадуотца врази наши и да не рекутъ окаянные языци! Использована эта конструкция в совершенно определенном контексте: в тексте молитвенного обращения к заступникам; таким образом, ее использование в повести ситуационно обусловлено и количественно ограничено, поскольку связано с одной определенной ситуацией.

Как и в «сказочной» повести, в «исторической» мы находим случай передачи значения повелительного наклонения посредством сочетания союза с формой глагола в сослагательном наклонении (чтобы + форма на -л. Ср. «сказочную» повесть, где аналогичное значение передается сочетанием союза «дабы» с формой на -л):

призри на ны грешныя... и тотъ славный Азовъ градъ в руки наши, господи, предаждь... и утверди в немъ, господи, православную... веру. И чтобы, господи милостивы, отъ нихъ, окаянныхъ, в Российской земли Московьского государства впредь церкви божия не разорылися и кровь бы хрестияньская пересталася лити! И да будет в томъ граде Азове славитца имя твое! (ИПА, 53).

Думается, что использование конструкции, привнесенной из живого языка, в тексте молитвы является достаточно интересным. Это еще одно доказательство того, что грамматическая норма «исторической» повести, так же как и грамматическая норма «сказочной» повести, характеризуется переплетением и сосуществованием церковнославянских и русских грамматических средств. Вместе с тем значимым фактом является то, что именно в «сказочной» повести, в которой черты церковнославянской грамматической нормы распространены шире, находим книжное «дабы» в соответствии с русским «чтобы» в «исторической» повести об Азове.

Конструкция дательный самостоятельный использована в тексте «исторической» повести всего один раз: И егда же богу изволшу, восхоте на нихъ, окаянныхъ, послати свой праведный гневъ... (ИПА, 48). Характерно, что упо-

треблена такая конструкция, которая исследователями рассматривается как книжный штамп, прочно державшийся в книжной письменности [6].

Форм дв. ч. в тексте нет. Исключение составляет лишь многократно употребленная форма «руце» (В. п.), при которой местоимения последовательно употребляются во мн. ч.: воздели руке свои (ИПА, 49); в руке наши предал (ИПА, 52); в руке предати (ИПА, 53). В остальных случаях, где бы можно было ожидать использования дв. ч., находим формы мн. ч.

Из временных союзов, вводящих придаточные предложения, наличествуют лишь «как» (И как стояли за великое Донское Войско под градом Азовым... и многим в то время древним людям и подкопщику во сне видение было – ИПА, 56) и союза «егда» в сочетании с конструкцией дательный самостоятельный. Использование «егда» вряд ли в данном случае можно считать явлением, характеризующим грамматическую норму «исторической» повести: его употребление несвободно, союз оказывается обусловленным контекстом.

Общая характеристика грамматической нормы, установленной в результате анализа текста повести, такова.

Формы	Использование конструкции «да + презентная форма»			Использование формы дв. ч.	Наличие сложной системы прошед. вр.	Использование конструкции ДС	Использование цсл времен. союзов
	значение цели	условная конструкция	повелительное наклонение				
норма	+	+	+	+	+	+	+
ИПА	–	–	– / +	–	+	–	– / +

Итак, из всех характеристик, определяющих строгую норму книжно-славянского языка, «историческая» повесть обладает лишь одной – сложной системой прошедших времен. Другие черты – использование дательного самостоятельного, конструкции «да + презентная форма» в значении повелительного наклонения и союза «егда» – ситуационно закреплены, несвободны. Использование системы прошедших времен соответствует упрощенной норме, характеризующей широким проникновением формы на -ли, способностью формы на -л и аориста передавать все оттенки прошедшего времени. Следовательно, сложная система прошедших времен – единственная характеристика грамматической нормы, которая удерживает «историческую» повесть в рамках книжно-литературной традиции. Все остальные черты – это качества иной нормы, иной традиции, являющейся признаком становящейся демократической литературы.

Сопоставление результатов анализа трех повестей об Азове показывает, что явную тенденцию к следованию грамматической норме книжно-славянского языка обнаруживает «сказочная» повесть. Однако при использовании конструкций, характерных для церковнославянского языка, автор повести ограничивается чертами, свойственными «упрощенному» варианту грамматической книж-

но-славянской нормы: в повести не зафиксирована условная конструкция «аще... да + презентная форма», нет форм дв. ч. Следующая ступень «упрощения» грамматической нормы представляет грамматика «исторической» повести об Азове: как уже отмечалось, она сохраняет лишь одну черту старой книжно-литературной традиции – использование сложной системы прошедших времен. Все остальные ее грамматические черты – дать новым тенденциям. И, наконец, «поэтическая» повесть об Азове целиком создана в русле новых традиций светской демократизирующейся литературы.

Характеризуя грамматическую норму этих повестей, нельзя, однако, ограничиться лишь характеристикой церковнославянских черт, присущих ей. Специфика этой грамматической нормы состоит именно в сочетании книжно-славянской и живой русской стихий. Этому качества не знает строгая книжно-литературная норма и в весьма ограниченной степени им характеризуется упрощенная норма (см. единичные случаи использования союза «чтобы» в Житии боярыни Морозовой и Повести... от прежних лет). Для повестей об Азове – сосуществование, не ограниченное контекстуально или ситуационно, книжно-славянских и русских элементов является существеннейшей чертой. Причем если в «сказочной» повести эти черты сосуществуют, в «исторической» повести русские черты преобладают, то в «поэтической» они являются в аспекте грамматической нормы по существу единственными.

При решении вопроса о соотношении грамматической нормы книжно-литературных памятников и рассматриваемых повестей следует учитывать, что все три повести созданы в одной среде, в условиях действия одних книжно-письменных традиций. И характерно то, что колебание нормы наблюдается в рамках одного жанра. Исходя из того, что все повести создаются авторами, прошедшими одну школу, можно считать, что колебания в норме являются результатом сознательной акции авторов и данью складывающейся традиции. Думается, что к системе периферии книжно-литературного языка мы можем отнести только «сказочную» повесть об Азове. «Историческая» и «поэтическая» повести в целом ориентируются на грамматическую норму деловой и бытовой письменности.

Литература

1. Орлов А.С. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906.
2. История русской литературы X–XVIII веков. М., 1980. С. 366.
3. Робинсон А.Н. Повести об Азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 175–179.
4. История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 325–530.
5. Сказочная повесть об Азове // РФВ. 1905. №4; 1906. №1–4.

6. Белорусов И. Дательный самостоятельный в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности // РФВ. 1899. Т. 41. №1, 2.

Сведения об авторе:

Марина Леонтьевна Ремнёва,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina Remneva
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University